

Екатерина Анашкина

*Меня истезают
в прошлом*

Екатерина Анашкина

Тени исчезают в прошлом

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Анашкина Е.

Тени исчезают в прошлом / Е. Анашкина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Майор Макс Березин, знакомый читателю по предыдущему роману автора, «Неделя на жизнь», распутывает очередную криминальную головоломку. И на этот раз он находит не только преступника... Существуют ли еще в нашем безумном мире такие понятия, как мораль и честь? И на что мы готовы пойти ради достижения личной выгоды? Где находится та «красная черта», у которой надо остановиться, дабы не потерять человеческое лицо? Отношения трех подруг, дружба которых зародилась еще в далекие школьные годы, подверглись серьезному испытанию, ставкой в котором оказалось самое дорогое — жизнь наших близких.

© Анашкина Е.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть	5
I	5
II	12
III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Анашкина

ТЕНИ ИСЧЕЗАЮТ В ПРОШЛОМ

Часть ПЕРВАЯ

I

– А ты уверена, что она прилетит именно этим рейсом?

– Ну конечно уверена, Ленка! Она мне вчера звонила, просила встретить, – Полина нервно переложила букет из одной руки в другую, по пути машинально сунув нос в душистые розовые бутоны.

– Обалдеть! А ты, как всегда, пятки насалила и готова мчаться к ней по первому зову, – насмешливо произнесла Куприянова, поигрывая ключами от машины. Полина оставила ее язвительное замечание без внимания.

– Уж полночь близится, а Гамлета все нет, – снова нараспев проговорила Ленка. – К чему бы это? Не иначе, как к дождю. Оставь цветочки, а то ты их так совсем занюхаешь.

Полина отмахнулась от подруги, продолжая всматриваться в толпу. Мимо них то и дело проезжали груженные под потолок телеги. Утомленные долгим перелетом пассажиры были похожи на разбуженных во время спячки взлохмаченных барсуков. Толкающиеся поблизости таксисты-нелегалы всем подряд предлагали доехать до центра столицы нашей Родины по цене билета на звезду Альфа Центавра. Какой-то ребенок лет четырех, в съехавшей на одно ухо флисовой шапочке, уже минут десять голосил на одной ноте:

– А пить? Мам, ты обещала водичку купить!

– Замолчи, Ричард! – не особенно стараясь его успокоить, время от времени рявкала на него его мамаша, которая старательно высматривала кого-то, кто, видимо, должен был их встретить. Мальчик попытался присесть на чемоданы, и сложная конструкция тут же с грохотом развалилась. Отвесив сыну увесистый подзатыльник, отчего шапочка тут же еще больше съехала набок, женщина ловко побросала тюки обратно на телегу.

Ленка наклонилась к самому уху Полины и жарко зашептала:

– Глянь на эту парочку! Тоже мне – Ричард Львиное сердце! Нет, Польша, я все-таки никогда не пойму таких ненормальных! Надо же было назвать пацана таким жутким именем. Вместо того, чтобы такие несуразные имена давать, лучше бы водички ему купила. Будет теперь малый всю жизнь мучиться. Ричард Петрович Голопупкин. Как тебе?

– Да ладно тебе желчью-то брызгать, Ленка! Они все-таки из Америки прилетели. А там все эти отчества никому не нужны. Тем более, что у мальчишки, вполне возможно, отец-американец, так что будет он Ричард Винстон или Блэк какой-нибудь. Да где же она, в конце концов! – она в который раз взглянула на часы.

– Польша, а может я все-таки пойду, а? – заныла Куприянова. – Я лучше в машине вас подожду. И я, кстати, тоже пить хочу. Духотища здесь – жуть с ружьем!

– Да ты с ума сошла? – испугалась Полина. – Как мы тебя потом искать будем? Я, пока мы от стоянки сюда по всем этим ходам-переходам чапали, сто раз уже заблудилась бы, если бы не ты. Нет, Лен, ты не уходи. Там скорее всего просто очередь на паспортном контроле.

– Ты-то откуда знаешь? Один раз в Турцию по горячей путевке слетала – все, крутая стала, звезду себе на лоб повесила? Сколько раз говорила тебе, что надо чаще из дома выби-

раться? Специально туры всякие выискивала, маршруты составляла. Все впустую, бестолочь ты упрямая.

– Но ты ведь знаешь, что я не просто так на деньгах сижу. Я экономлю. Тебе с твоей зарплатой можно и в Испанию смотаться и в Зальцбурге на лыжах покататься, а я сама знаешь сколько получаю на своей должности.

– А Денис твой ненаглядный? Мог бы выложить копеечку и свозить тебя куда-нибудь. Он-то, поди, побольше твоего зарабатывает! Сам-то совсем недавно в Штаты катался, а ты как клуша весь отпуск на даче попой вверх торчишь цветочки-огурчики сажаешь-поливаешь, как будто тебе не тридцать три, сто тридцать три!

– Лен, ты прекрасно знаешь, что Денис ездил не на курорт, а в командировку. Он работает, а не развлекается. Тем более, что мы хотим сразу после свадьбы трехкомнатную квартиру в ипотеку взять.

– Ой, мама дорогая, держите меня семеро! Это тебе он так сказал или ты сама себе опять сказок навывдумывала? Все эти ваши ипотеки, кредиты и прочее – только разговоры в пользу бедных. Вы уже почти полтора года встречаетесь, а воз и ныне там. А в последнее время что-то твой возлюбленный вообще к тебе носа не кажет. Опять оскорбился и вильнул хвостом?

– Я знаю прекрасно, что ты его терпеть не можешь. Но это моя жизнь и мне решать, кого я люблю, а кого нет. Просто у нас небольшой кризис в отношениях. Денис очень ранимый. Но он обязательно вернется, ведь так уже было, и не раз. Он мне, между прочим, предложение сделал.

– Интересно, а он об этом помнил, когда в очередной раз дверями хлопал? – Ленка увидела, что глаза Полины начали наливаться слезами и вздохнув ткнула ей в руку пачку носовых платков.

– Ну, ладно тебе, не обижайся. И не реви, я прошу тебя, тушь потечет! Я ведь тебе добра желаю! Поль, сколько можно терпеть его выкрутасы? Я прекрасно знаю, что ты можешь оправдать кого угодно, но ты же не дура, на самом деле! Когда до тебя дойдет, что этот эгоист сел тебе на шею и ножки свесил? Зачем ты все это терпишь?

– Я, в конце концов, семью хочу, – Полина подняла влажные глаза на подругу и, увидев ее полунасмешливый, полу-жалостливый взгляд, пошла в атаку:

– Да, хочу, представь себе! Я ему ребеночка рожу, а может и двух. И будем мы счастливы...

– И умрете в один день, – язвительно закончила Ленка. – Ладно тебе, Колобова, не заводись! А насчет работы, ты все-таки подумай, может и правда ко мне перейдешь?

– Хватит, – строго прервала ее Полина. – Это нереально, и ты сама об этом знаешь не хуже меня. Вон там, по-моему, есть какой-то ларек. Может, купим попить, а?

– Ой, блин, Колобова, ты знаешь сколько здесь она стоит? Меня жаба душит покупать стакан воды за такие деньги! Терпи, в машине целых два литра болтаются.

Полина снова стала пристально вглядываться в лица пассажиров, то и дело выходящих из стеклянных дверей.

– Лен, а как ты думаешь, они все с одного рейса? Ты представляешь себе, какой должен быть самолет, чтобы всех этих людей и вещи поднять, да еще и перенести за несколько тысяч километров! Обалдеть просто можно!

– Наивная ты, Колобок, сил моих нет! И это, Поль, – Куприянова немного замялась, – Ты Ольге ничего не говори пока о своих делах, лады? Сами разберемся. И не вздумай ляпнуть, что я к тебе переехала.

Полина заметно побледнела.

– Хорошо, не скажу. Зачем еще ее впутывать? Только она ведь все равно поймет, что ты у меня живешь.

– Как? Она что, экстрасенс, эта твоя замечательная Ольга Львовна? – с едва сдерживаемым раздражением спросила Лена.

– Нет, конечно, но ведь ее квартира в соседнем доме. По-любому, она рано или поздно застукает или тебя, или твою машину.

– Ничего, это я беру на себя. Главное сама держи язык за зубами. Сегодня я имею совершенно легальный повод остаться у тебя на ночь, – и она выразительно провела по горлу пальцем, – А потом что-нибудь придумаем.

Полина неопределенно покачала головой. Она совершенно не хотела и не могла больше думать об ЭТОМ.

Она привстала на цыпочки и почти в тот же момент завизжала так, что даже неумолкающий Ричард прервал свой монотонный плач и уставился на нее своими зареванными глазами, и бросилась навстречу девушке, которая показалась из ворот.

Такую девушку невозможно было не заметить. Шикарная шуба подметала изящными хвостиками пол зала ожидания, небрежно подколотые волосы плавной пепельной волной спускались на плечи, слегка капризная линия губ была едва тронута нежно-розовой помадой. Глаза за дымчатыми стеклами дорогих очков казались загадочными и волнующими. Небольшой элегантный чемоданчик, перетянутый ремешками, на фоне проплывающих мимо тюков и толстых сумок, казался таким же невесомым, как и его хозяйка.

Полина подбежала к ней и повисла у красавицы на шее:

– Ольга! Ну наконец-то! Я уж думала, не дождусь! Ой, а это тебе! – спохватилась она и протянула букет.

– Привет, Колобок! Спасибо! – Ольга с чувством чмокнула подругу в покрасневшую от духоты щеку.

Полина во все глаза, с нескрываемым восторгом, смотрела на свою подругу детства.

– С ума сойти можно! Ты всегда была самой роскошной женщиной из всех, которых я знала, но сейчас Мисс Вселенная рядом с тобой просто нервно курит.

– Ладно тебе, Колобова, ты мне льстишь! – счастливо засмеялась Ольга.

– Оль, а очки зачем? Зрение испортилось? – тревожно спросила Полина.

– Да нет, это так, для красоты. Стекла простые. Пойдем уже, а то нас тут совсем затолкают. Ты одна приехала?

– Да нет, конечно, я с Ленкой Куприяновой. Она у нас настоящая бизнес-леди. На собственной машине рассекает.

– И как это она согласилась ехать встречать меня? – усмехнувшись, спросила Ольга. – Мне всегда казалось, что эта мадмуазель меня, мягко говоря, недолюбливает.

– Брось ты, Ольга! Столько лет прошло.

– А ты, Колобок, все такая же. Все-то у тебя хорошие, все добрые и замечательные. Ну, да Бог с тобой, где там наша третья?

Ленка стояла чуть поодаль от толпы, насмешливо наблюдая сцену под названием «Трогательная встреча после разлуки». Ольга подошла к ней и крепко обняла, обдавая облаком дорогого парфюма.

– Ну, привет, Куприянова! Ты, наверное, удивишься, но я на самом деле безумно рада тебя видеть!

– Нарисовалась-таки! – улыбаясь, сказала Ленка и тут же недовольно добавила: – Мы с Колобком уже целый час здесь торчим. Надоело – сил нет! Пошли уже.

* * *

Стремительная легкая белая «Ауди» быстро мчалась в сторону Ленинградского шоссе.

Полина вглядывалась в темноту. За окошком проносились плакаты с красивыми стюардессами, призывающими летать компанией «Трансаэро», рекламы загородных коттеджей и таунхаусов, стоящих в живописных местах на берегах речек и озер. Голые сиротливые деревца потряхивали озябшими за долгую зиму ветками; черные размытые последним дождем сугробы топорщились по обочинам, как корявые пни. Мутная безжизненная луна лениво проглядывала сквозь серые лохматые обрывки облаков, несущихся наперегонки по черному небу. В салоне же было тепло, уютно; хрипловатый голос Криса Ри тихо и убаюкивающе лился из колонок. Полина прикрыла глаза. В ее жизни, такой предсказуемой и такой размеренной, в последние несколько дней начало происходить что-то странное и пугающее. Получив первое письмо, Полина была уверена, что кто-то просто ошибся адресом. Прочитав текст несколько раз, и недоуменно пожав плечами, она просто проводила эту эпистолярную гнусь в старую коробку, стоявшую в подъезде под почтовыми ящиками. Именно туда добросовестные жильцы, следящие за порядком в доме, выбрасывали обычно ненужные рекламные листовки и газеты. Но вскоре за ним пришло следующее послание. Полина крепко, до ломоты в глазах, зажмурилась.

* * *

...– Вот так и получилось, что разбежались мы с моим Майклом. Да пошел он в задницу, даже думать о нем не хочу.

– Совсем-совсем разбежались? Навсегда? – вынырнув из своих невеселых мыслей, с недоверием спросила Полина с заднего сидения.

– Ну да, развелись и все. Да надоели мне все его гулянки и стрипбары. Задолбал, козел престарелый! Пятый десяток, а у него все гормоны играют. Последнее время недели не проходило, чтобы он какую-нибудь новую бабу не привел.

– Что, прям домой приводил? – ужаснулась Полина.

– Нет, слава Богу, до этого не доходило. Но в пабе неподалеку от нашего дома у меня один бармен знакомый был, так он мне всю инфу сливал. Не бесплатно, разумеется, – усмехнулась Ольга.

– Ничего себе! Ужас, Лен, да? – потрепала Полина за плечо подругу.

Ленка раздраженно стряхнула ее ладонь и рявкнула:

– Совсем обалдела, Колобова? Я все-таки за рулем сижу, а не на дудочке играю. Ладно, шут с ним, с Майклом, с ним все понятно – кобель. Но почему ты сама-то в своем этом Нью-Йорке не осталась, или где ты там жила? У тебя же, ты говорила, в последнее время даже работа была.

– Да ну ее, эту Америку, на фиг! Знаешь, целых семь лет пыталась привыкнуть к ним, но так ничего и не получилось.

– А ты думаешь, здесь лучше, что ли? У нас, знаешь ли, денежки тоже сами собой на голову не падают, – выразительно хмыкнула Ленка.

– Оль, да ты ее не слушай, – горячо затараторила Полина, – Москва, конечно, не рай на земле, но всяко лучше, чем там! И вообще, Ленка, как тебе не стыдно, человек на Родину вернулся, а ты!

– А что я-то? – удивилась Куприянова, – просто интересно, почему это после всех восторгов такое пренебрежение. Оль, ты же сама еще пару месяцев назад, сидя у Колобка на кухне, в открытую поливала грязью Россию-матушку, а тут вдруг такие кардинальные перемены в настроении.

Ольга глубоко вздохнула:

– Ну что сказать... Не хотела признавать поражение, харахорилась, пока силы были. А недавно вдруг поняла, что сил этих совсем уже не осталось.

Она приоткрыла окошко, и в салон тут же ворвался сырой мартовский ветер. Полина сзади невольно поежилась и плотнее запахнула пальто.

– Лен, можно закурить?

Куприянова недовольно поморщилась:

– Я, вообще-то, в машине не курю, не люблю. А чем здесь заниматься думаешь? На работу будешь устраиваться? – спросила она.

Ольга неопределенно повела плечами:

– Пока не думала. А что, есть предложения? – и, не дожидаясь разрешения, прикурила изящную коричневую сигарету. Сладковатый дым ударил в ноздри Полине, и она уткнула нос в пушистый воротник. Подняв глаза, она встретила в зеркале насмешливый взгляд Куприяновой.

– А тебя твой папик Миша, то бишь, Майкл, совсем-совсем без денежек оставил? – спросила она, ловко перестроившись в левый ряд.

Ольгина рука заметно дернулась и серый столбик пепла моментально очутился у Полины на коленях. Она незаметно для Ленки поспешила сбросить его на пол и затушила кончиком сапога.

– Да, нет, кое-что есть на первое время. А там посмотрим.

– Тут смотри, не смотри, а с твоим образованием – три класса церковно-приходской, ты много не заработаешь.

– Лен, прекрати сейчас же! – набросилась на нее Полина. – В конце концов, Ольга хорошо английский знает. А еще у нее есть диплом психолога. Можно в какую-нибудь школу или в детский садик устроиться.

Звонкий смех, раздавшийся сразу с обоих передних сидений, моментально заглушил шум города, вливавшийся через приоткрытое окно. Полина смутилась:

– Я что, что-то не то сказала?

– Ой, Колобок, и что с тобой делать! Ну, посмотри на меня, – Ольга развернулась к ней лицом и скорчила смешную рожицу, – Ну какой из меня педагог? Ленка права, я с моим дипломом сейчас никому не нужна. Это только ты можешь за гроши вкалывать в своей больнице. Ты у нас идейная, правильная. Наша гордость!

Полина не любила подобных намеков.

* * *

Ей было всего шесть лет, когда из семьи ушел отец. Несмотря на детский возраст, она хорошо запомнила последнюю ссору родителей. Ей было очень страшно. Она лежала в своей кроватке, съжившись от безотчетной тревоги, с головой накрывшись одеялом, и прислушивалась к разговору, происходившему на кухне. В соседней комнате тяжело вздыхала бабушка, которая вот уже год, как была полностью парализована.

– Ты никогда меня не понимала! Ты всегда думала только о себе! Ты понимаешь, что в этой стране я никогда не смогу реализоваться? Мне перекрывают кислород, душат поборами. А сейчас появилась реальная возможность уехать. Это для меня первый и, быть может, единственный шанс! – гремел голос отца.

– Я, я, я! Это ты, Тимоша, всегда думаешь только о себе. Ну как я могу оставить маму в таком состоянии? Куда я поеду?

– Нина, твоя мама уже не человек, это полутруп. Да-да! Не делай такие испуганные глаза. Существуют специальные дома, куда сдают таких, как она. Поверь, там за ней будет уход, нужно только заплатить. А даже если и не будет ухода, то может и лучше – быстрее отмучается.

– Что ты такое говоришь, Тимофей?! Ты просто чудовище! Это же моя МАМА!

– А я – твой муж, а еще – если ты вдруг забыла – у нас есть дочь. Ты подумала, каково девочке жить в квартире, где на ее глазах гниет заживо семидесятилетняя старуха? Мне надоело спать на раскладушке в кухне, я хочу возвращаться в дом, где пахнет вкусным борщом и пирогами, а не в четыре стены, насквозь пропитанные застарелым запахом грязного белья, лекарств и мочи. Мы никогда и никуда не ездим, даже в отпуск. Это ненормально, Нина! А Полине скоро в школу. Где она, прости, будет заниматься? Тоже в кухне? Да мы же просто содохнем от такой жизни еще быстрее, чем твоя мать.

– Хватит, я ничего не хочу больше слушать!

– Нет, ты будешь меня слушать. Запомни, Нина, это наш последний разговор. Я ставлю ультиматум. Либо ты бросаешь мать здесь и едешь со мной, либо будешь, как и она, до конца своих дней жить в этом болоте, откуда уже никогда, я повторяю – никогда! – не вылезешь. Я жду твоего решения завтра утром.

Маленькая Поля выбралась из постели и на цыпочках прошла в смежную комнату. В изголовье над продавленной скрипучей кроватью горела тусклая лампочка. Из-под тонких пергаментных бабушкиных век катились слезы: она тоже все слышала. Полина, не раздумывая, юркнула к ней под одеяло и обняла ручками худую сморщенную шею...

После того случая она больше ни разу не видела своего отца. Однажды она все-таки поинтересовалась у мамы, где он теперь, и она ответила, что Тимофей Дмитриевич Колобов благополучно отбыл в далекую Австрию, где обзавелся новой семьей.

– Мам, а ты его все еще любишь? – осторожно спросила она.

Мама не ответила, только тихонько и безнадежно заплакала.

Больше к этому разговору Полина не возвращалась никогда. Бабушка протянула еще полгода...

Когда Полина училась в девятом классе, тяжело заболела Нина Андреевна. Подспудно Полина знала, что именно предательство отца навсегда сломало маму. Ни о каком продолжении учебы в школе не могло быть и речи: необходимо было зарабатывать деньги: маме требовалось дорогое лечение. Легко поступив в медучилище, она тут же устроилась на полставки санитаркой в больницу, куда положили Нину Андреевну. Маму спасти не удалось – третий инфаркт оказался последним... Окончив учебу, Полина нашла работу в одной из детских клиник.

Ольга Сабурова, с трудом получив диплом психолога в одном из платных гуманитарных ВУЗов столицы, почти сразу вышла замуж и укатила в Америку. А Ленка Куприянова вскоре после этого с отличием окончила третий Мед, и не без помощи своего отца, имевшего неплохие связи и знакомства, через несколько лет открыла свою частную практику. Клиника ее процветала, клиентская база ширилась. Правда и вкалывать приходилось днем и ночью, особенно на первых порах. Все это время она всячески пыталась переманить к себе Полину, но безуспешно. У той постоянно находились причины, чтобы не покидать ставшее ей уже родным отделение детской хирургии.

– Лен, ну сама подумай, как я уйду-то? У Петеньки ножка не так срослась, а Вика так ждет меня, что никого из других сестер к себе просто не подпускает. Как я смогу их бросить? Это же настоящее предательство с моей стороны!

– Колобова, и как ты не понимаешь?! Тебя же просто твой начальник использует и в хвост, и в гриву! Ты постоянно дежуришь по ночам, да что там по ночам – ты просто живешь в этой своей больнице, а получаешь сущие копейки. У тебя то Петенька, то Вика, то Лидочка, то Глаша, то Даша. Когда до тебя, наконец, дойдет, что ты не солнышко и всех не обогреешь! О себе-то ты когда-нибудь начнешь думать? Тебе нужно идти в институт, расти, а ты готова вкалывать за гроши. На тебе все ездят, а ты только шею подставляешь. Вот в прошлый раз какая-то там Милочка попросила тебя за нее отдежурить, так ты даже слова не сказала, а Милочка эта на целую неделю умотала в теплые края со своим любовником, кстати, вашим же хирур-

гом. И ведь вместо того, чтобы отпустить потом тебя на недельку, она просто привезла тебе коробочку конфет и магнитик. Смех на палке!

– Лен, да не мелочись ты, мне ведь совсем не сложно.

– Тьфу на тебя, дура ты блаженная!

А в последнее время к Ленкиным нотациям добавились и проповеди Дениса, но Полина пока не сдавалась.

* * *

– Да ладно, оставь ее в покое, Оль! Я уже убедилась, что нам ее не переделать. Ну все, блин! Покатались, – с досадой буркнула Куприянова, пристраиваясь в хвост длиннющей пробки.

– Это надолго?

– А хрен его знает! Как повезет, может, минут на десять, а может, и часа два постоим. Это тебе не Америка, мать ее так!

– Лен, ну не ругайся ты! – жалобно попросила Полина.

– Не скули, Полька, без тебя тошно! Я, между прочим, сегодня еще на одну встречу должна была попасть, но видно, не судьба.

– Встреча-то личная или как? – спросила с улыбкой Ольга.

– У меня, знаешь ли, времени на личную жизнь нет. Пашем мы, аки кони. Да и с кем тут можно счастье-то построить? Как ни мужик – так очередной козел, вроде твоего Майкла.

– Лен, ладно тебе, не все же такие! – вновь подала голос Полина.

– А, ты опять про своего Дениску, что ли? – усмехнулась Куприянова. – Такой же он, как и все. Просто твои розовые очки тебе жить мешают, вот и все. Мог бы, кстати, сегодня вместо меня в аэропорт смотаться, ан нет! Он ведь такой занятой, сил нет. А ты у нас с Дениской-то знакома, Оль?

– Да виделись, вроде, в прошлый раз осенью, – равнодушно отозвалась Ольга. – Кстати, по-моему, зря ты так о нем. Нормальный парень, симпатичный такой. Молодец, Колобок. На свадьбу-то, когда позовете?

– Когда рак на горе свистнет, – ответила за нее Куприянова. – Уже полтора года встречаются, а воз и ныне там. Приезжает только тогда, когда ему это нужно, а наша Золушка ему сладко готовит, рубашки гладит, спать укладывает, только что в попу не дует. В общем, все, как всегда.

– Все, хватит, девочки. Я больше не хочу ничего слышать, – твердым голосом проговорила Полина.

– Ладно, хрен с тобой, дурочка упрямая! Больше ни слова не скажу, даже если попросишь. Ну что, где зависнем-то, у тебя, Колобова, или у тебя, Оль?

– Ой, девочки, боюсь, что у меня в квартире полное запустение, да и в холодильнике – шаром покати.

– Ленка, ну конечно же у меня! Я же специально сегодня отгул попросила и с утра уже пирогов напекла, борщ сварила.

– Вот это круто! Настоящая русская кухня! Наша американская миссис, поди, забыла в своей Оклахоме, что это такое. Только водочки не хватает, – похвалила Куприянова.

– А за это можешь не переживать, – и жестом фокусника Ольга вытащила из хрустящего глянцевого пакет изящную бутылку, – Я, между прочим, тоже готовилась. Все-таки домой вернулась!

II

С недавних пор ее жизнь круто изменилась. Ну почему все это случилось именно с ней?! Все произошло как в глупом, наивном, сопливом американском кино. Оборачиваясь назад, она постоянно задавала себе один и тот же вопрос: как?! Ведь в жизни так не бывает!..

Детство ее прошло в лагере для переселенцев, куда привезли ее родители совсем еще маленькой девочкой. В поисках лучшей жизни они бежали из России, наивно полагая, что уж на западе-то все по-другому. Мать ее, Галина Сергеевна Шнайдер, была родом из поволжских немцев, но в семье никогда не знали языка Гете и Фейербаха. Тем не менее, фамилию свою мать Маши берегла как зеницу ока и даже под угрозой расстрела никогда не согласилась бы поменять ее на фамилию мужа. Это был пропуск в рай, которым издалека казалась историческая родина ее предков. После долгих мытарств, оформлений бесчисленных справок и документов вождеденное разрешение на въезд было получено. Без особых сожалений трехкомнатная «распашонка» на окраине Москвы и старенький «Москвичонок» были проданы, и счастливая семья Шнайдер отбыла в сытую холеную Европу.

Галина Сергеевна до самого отъезда проработала на должности детского участкового терапевта. Зарплата была не так чтобы очень, но частенько перепадали коробки конфет, а иногда и денежки от родителей маленьких пациентов. Отец исправно ходил на службу в заштатный НИИ, получал «твердый оклад», которого с трудом хватало на минимальный продуктовый набор и килограмм леденцов «Театральные». Прибыв на окраину Мюнхена, где расположился лагерь для таких же как и они «счастливчиков», они понемногу поняли, что действительность, в которую они так стремились, вовсе не такая безоблачная и радужная. Их маленький рай-ончик – «алькатрас»,¹ как его называли сами его обитатели – включающий в себя пять безликих серых пятиэтажек, крохотный магазинчик вроде сельпо, торгующий семечками, селедкой, пивом «Балтика» и матрешками, три лавочки и тесный дворик – на долгие годы стал их миром, из которого выбраться можно только путем невероятных усилий и беспредельной настойчивости. Без знания языка, а тем более без пересдачи экзаменов, рассчитывать на продолжение врачебной практики было невозможно. Походив на курсы с полгода и с грехом пополам овладев азами немецкого, родители бросили это бесперспективное дело. Отец пристроился в магазин грузчиком, а мать – в няньки к более успешным соотечественникам, живущим в доме напротив. Маленькая Маша, по приезде немедленно переименованная в европейскую и звучную Марику, по достижении шести лет была принята в первый класс немецкой школы.

Малышке удивительно легко давалась учеба. Голубоглазая, белокурая девочка – истинная арийка (видимо, все-таки сказывались гены прошлых поколений) – быстро освоилась среди своих новых знакомых. Уже очень скоро Марика без труда начала разговаривать на чистом немецком языке, хотя дома семейство Шнайдер общалось между собой исключительно на русском. Отец, несмотря на протесты, даже какое-то время занимался с дочерью русской грамматикой, так что в конце концов Марика освоила и письменную речь.

Родители, довольствуясь мизерной зарплатой и пособием, все деньги, вырученные от продажи имущества и квартиры в Москве, тратили на единственную и обожаемую дочь. Но подкожный жирок ушел быстро и незаметно... В старшей школе одноклассницы Марики нередко посмеивались над поношенной одеждой, которую Галина Сергеевна покупала дочери на блошинных рынках, устраивавшихся в их городишке с завидным постоянством. Девочка

¹ Алькатрас (в переводе с испанского это слово означает – «пеликан»), также известный под названием Рок (англ. The Rock – скала) – остров в заливе Сан-Франциско. Административно относится к штату Калифорния. Территория острова использовалась как защитный форт, позже как военная тюрьма, а затем как сверхзащищенная тюрьма для особо опасных преступников и тех, кто совершал попытки побега из предыдущих мест заключения. В настоящее время тюрьма расформирована, остров превращен в музей, куда ходит паром из Сан-Франциско.

стеснялась пригласить к себе в дом гостей, никогда не отмечала дни рождения и люто ненавидела ту жизнь, которой жили ее родители.

Как-то раз на перемене она разговорилась с одной из своих одноклассниц. Анке Бихельмайер была некрасивой девицей с толстой попой и россыпью мелких черных прыщей на упругих розовых щеках. Ее тестообразное тело было затянуто в фирменные джинсы и кофточку от «Диор» – вещи, о которых Марика Шнайдер могла только мечтать.

– Послушай, за мной сегодня мать должна заехать. Отвезет меня на все выходные в Штутгарт, к моей тетке. Хочешь со мной? А то что-то скучно одной. А так потусуемся, в клуб сходим. Деньги будут, мать сегодня добренькая. Отец на целую неделю улетел в Нью-Йорк, а к ней Мартин приедет.

– А кто это – Мартин? Это твой дядя? – не поняла Марика.

Анке противно захихикала.

– Любовник, дура! Он к нам регулярно навещается, когда отец уезжает. Мать меня тоже всегда норовит куда-нибудь подальше сплавить, но я-то не маленькая, все давно понимаю.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – Марика оторопела. – Ведь это нечестно по отношению к твоему отцу. Ты непременно должна все ему рассказать!

Анке округлила маленькие глазки:

– На фига? Мать у меня еще совсем молодая, а папаша уже в прошлом году шестьдесят лет отпраздновал. Кроме того, у него в голове один бизнес: цифры, сметы, графики, контракты. Скука невероятная.

– Не знаю... – растерянно протянула Марика, – Но ведь твоя мама его не любит!

– Ну, ты даешь! При чем тут любовь?! Главное, что папахен денег дает, и не мало. У нас в семье три машины, мы каждые каникулы на курорты мотаемся, шмоток у нас – шкафы ломятся. Вот это – главное, а все эти ахи-вздохи и верность на всю жизнь – прошлый век. Так что насчет Штутгарта?...

* * *

С тех пор мысленно к этому разговору Марика возвращалась очень часто. Вот оно как просто получается-то! Все эти увещевания, типа, «учись, доча, старайся, трудись, получай образование» – чушь. На самом-то деле все гораздо проще и интереснее. Просто немного везения и настойчивости. Правда, способ, избранный Марикой для достижения жизненного благополучия, подходил далеко не всем. Общеизвестно, что в таких вопросах внешность играет чуть ли не первую скрипку. Однако, стоя перед зеркалом, и оценивая свои данные, она понимала, что у нее шансов немало: невысокая, но правильно сложенная фигурка, стройные ножки и тонкая талия, чувственные пухлые губы, большие голубые выразительные глаза и аккуратненький носик с едва заметной горбинкой, придающей лицу еще большую привлекательность.

Окончив гимназию, Марика поступила в один из университетов и уехала из родительского дома в маленький студенческий городок под Страсбургом. Все это время она ни на секунду не забывала о поставленной перед собой цели. Поклонников было множество, но она понимала, что ее козырная карта еще в колоде, нужно запастись терпением и не сдаваться.

Это случилось на третий год учебы. Как-то вечером позвонила Анке. Девушки и по окончании школы не порвали отношений, время от времени встречались, перезванивались. Анке по-своему была привязана к Марике, изредка помогала деньгами, а для Марики Анке была одним из способов влиться в мир богатых ровесников. Правда в последнее время она поняла, что просто маменькин сынок, мажор, не желающий ничего добиваться своим умом, ей не подойдет. Все они были похожи друг на друга, как песчинки на пляже: в голове только клубы, травка, модные шмотки и отвязный отдых где-нибудь на развеселой солнечной Май-

орке. А главное, они были напрямую зависимы от своих толстосумов-родителей, которые вряд ли обрадовались бы появлению в семье нищей невестки.

– Эй, подруга! – пьяненьким голоском прошептала в трубку Анке. – Есть интересная тема. Хочешь заработать?

– Ты что, выпила?

– Конечно, пятница ведь! – от души удивилась собеседница. – Да я так, чуть-чуть, для разгона. Сегодня Свен устраивает пати.² Помнишь Свена? У вас, кажется, что-то было или я ошибаюсь?

Воспоминания о последней тусовке проведенной в кругу их общих знакомых в Мюнхене, вызвали тошноту и отвращение. Свен Хаппах был богатеньким парнем, завсегдатаем всех кокаиновых и пивных вечеринок. Свен считал своим долгом трахать все, что движется. В тот раз он затащил Марику в свой «Порше» и начал откровенно лапать потными, липкими ладонями, обдавая лицо кислым запахом перегара. Она едва сумела вырваться и сбежала, пользуясь тем, что Свен был пьян, как грузчик в день зарплаты.

– Ничего у меня с ним не было и быть не могло, – ответила Марика с раздражением. – А что ты там говорила о деньгах?

– А, ну да, – Анке громко икнула в трубку. – Так вот, мой папахен в воскресенье встречается с новым партнером. Этот чувак, как я поняла, из России. Папаша уверен, что без переводчика им не обойтись, и тогда я сказала ему, что ты вполне можешь поработать на переговорах. Деньги неплохие. Соглашайся!

– Я, конечно, согласна, но я ведь не профессионал, – неуверенно возразила Марика.

– Так и заплатит он тебе не как профессионалу! – захохотала Анке. – Ты же знаешь, если можно сэкономить, то папочка никогда эту возможность не упустит. На том и стоит! Ну что, приедешь?

– Хорошо. Где и когда?

...Переговоры проходили в Мюнхене в небольшом, но уютном и безумно дорогом ресторане в центре города. Партнером отца Анке оказался довольно симпатичный мужчина, правда далеко не первой свежести, как определил наметанный и профессиональный глаз Марики. Его пронизательные глаза за прозрачными стеклами очков в тонкой, почти невидимой оправе, всего на секунду задержались на ней, но в этот момент она вдруг почувствовала, что ее как будто просветили мощнейшим рентгеном. Однако с самого начала выяснилось, что в услугах переводчика герр Колобов вовсе не нуждается, так как совершенно свободно и почти без акцента разговаривает на немецком языке. Справедливости ради надо сказать, что герр Бихельмайер не стал лишать Марику гонорара и заплатил за доставленные неудобства даже немного больше оговоренной заранее суммы. Марика вежливо попрощалась и ушла. Остаток дня она провела в убогой квартирке родителей, а под вечер в сумочке вдруг ожил телефон.

– Здравствуйте, прекрасная Марика! Это Тимофей Дмитриевич Колобов вас беспокоит, – на чистом русском языке проговорил из трубки бархатный мужской голос. – Вы меня помните?

– Да, конечно, господин Колобов. Чем могу помочь?

– Ну, что вы, не надо так официально, мы все-таки уже не на деловой встрече. Кстати, можете меня поздравить. Переговоры прошли очень успешно. А по их окончании я попросил господина Бихельмайера дать мне номер вашего телефона. Надеюсь, это не слишком дерзко с моей стороны?

– Что вы, я очень рада! – Марика почувствовала, как сильно и громко вдруг забилось сердце. Щекам стало жарко, а по спине прошлась плавная горячая волна.

– Тогда разрешите мне пригласить вас в одно очень красивое местечко. Там не так пафосно и мы могли бы с вами немного пообщаться наедине...

² Вечеринку.

* * *

...Не прошло и полугода, как Марика, несмотря на протесты родителей, бросила университет, вышла замуж и переехала в Вену. Единственное, на чем удалось настоять ее родителям, так это на том, чтобы она оставила прежнюю фамилию. Тимофей оказался довольно властным, но щедрым человеком. За год до встречи с Марикой он развелся с прежней женой, которая на протяжении многих лет так и не смогла подарить ему наследника. Пунктик «дети» был самым, пожалуй, неприятным для Марики во всей этой денежно-семейной эпопее. Тимофей мягко, но настойчиво заставил ее пройти все анализы, и только убедившись в том, что она способна родить, сделал предложение. Обзаводиться потомством сразу после свадьбы Марике вовсе не хотелось. Но удача снова обернулась к ней лицом. После двух лет неудачных попыток, Тимофей сам прошел обследование, и выяснилось, что его здоровье оставляет желать лучшего. Вердикт врачей был безжалостным: у него никогда не будет детей. Марика вздохнула полной грудью. Колобов не ограничивал ее свободу, денег хватало на все: и на машины, и на отдых в экзотических странах, и на самых дорогих косметологов и, конечно, на молодых красивых любовников. Тимофей безоговорочно доверял ей, никогда не проверяя СМС-ки и звонки, но подспудно Марика всегда знала: такой, как Колобов, измены не простит, поэтому никогда не теряла бдительности и старалась не давать мужу ни малейшего повода для ревности.

...Томас был ее новым инструктором по йоге. Молодой, загорелый, накаченный, он заводил Марику как никто другой до него. Рядом с ним она будто каждым нервом, каждой клеточкой своего тела чувствовала исходящий от него невидимыми волнами запах и энергию настоящего самца и теряла голову. Почти сразу после Рождества Тимофей в очередной раз отбыл в далекий Сидней, для подписания какого-то нового выгодного контракта, а она, повинаясь своим инстинктам и желаниям, недолго думая, заказала недельный тур на Шри-Ланку.

* * *

...Утро разбудило шелестом прибоя и мягкими лучами январского солнца, бесцеремонно забравшегося в щель между плотными тяжелыми атласными шторами. Марика с наслаждением потянулась и вышла на террасу своего бунгало. Плеснув в высокий прозрачный стакан минеральной воды, она устроилась в плетеном шезлонге и подставила лицо теплему соленому ветру, несущему с океана мелкую, едва ощутимую водяную пыль. Прошедшая ночь отдавалась приятной усталостью во всем теле, и она прикрыла глаза, вспоминая Томаса и то, что он делал с ней. В этот раз он превзошел самого себя. Холеный, как породистый жеребец, он, пожалуй, был самым лучшим из всех ее любовников, которые в последние годы сменялись так часто, что она иногда даже путалась в них. Сегодня последний день, уже завтра идилия закончится, нужно будет снова изображать из себя любящую супругу, искренне сожалеющую о невозможности иметь детей. В последнее время Колобов раздражал ее ужасно. Кроме того, он стал каким-то сентиментальным, а не так давно вообще ни с того ни с сего вдруг вспомнил, что когда-то давным-давно, еще в России, был женат и у него родилась дочь. Его навязчивое желание отыскать ее напугало и насторожило Марику настолько, что она даже было подумала отказаться от поездки с Томасом. Но по зрелому размышлению пришла к выводу, что вправить мозги мужу она еще успеет, а вот Томасом нужно пользоваться здесь и сейчас. Завтра, все это завтра, а сейчас... Она проскользнула в комнату и нырнула в постель.

Через пару часов, приведя себя в порядок, Марика, облаченная в купальник и ярко-красное парео³ уже шла по берегу океана. Ноги утопали в мелком, горячем и нежном, как шелк, белоснежном песке; Томас нежно обнимал ее за плечи и шептал на ухо, щекоча своими мягкими настойчивыми губами.

– Фрау Шнайдер?! – Марика машинально оттолкнула от себя Томаса и невидящим взглядом поискала зовущего. В двух шагах от нее стоял... герр Бихельмайер, отец Анке.

– Добрый день, какая неожиданная встреча! Очень приятно! А где же ваш муж?

В глазах нестерпимо защипало, как будто кто-то сыпанул ей под веки пригоршню песка, дыхание перехватило, а в уголке рта быстро-быстро задергался невидимый нерв.

– Добрый день, герр Бихельмайер. Тимофей сейчас в командировке, а это мой... брат Томас.

Ложь была такой неуклюжей, такой неприкрытой и наивной, что ее собеседник даже не попытался скрыть презрительную усмешку.

– Ну, конечно, брат! – многозначительно кивнул он.

Он еще пару секунд мерил презрительным взглядом Марику и ее «родственника», а потом, не говоря больше ни слова, отправился прочь.

* * *

...Все случилось в полном соответствии с пошлыми сценариями голливудских мелодрам. То, что последовало после этого, слилось для Марики в один непрерывный, липкий, бесконечный кошмар, похожий на дурной сон. Вся ее такая устроенная, сытая, безбедная жизнь, к которой она так долго и трудно шла, рушилась на глазах. Пропать, в которую увлекало ее этим потоком событий была, казалось, бездонной, и летела она туда не имея ни малейшей возможности зацепиться. Было понятно, что упав, она обязательно разобьется, да так, что заново подняться уже никогда не сможет. Унижения, заверения в любви и преданности – все оказалось совершенно напрасным. Но самый страшный удар ожидал Марику впереди. У Колобова случился обширный инсульт. Врачи беспомощно разводили руками. Через сутки все было кончено...

* * *

На третий день после пышных похорон, Марике позвонил адвокат и попросил о встрече. Где-то в глубине сознания зашевелилась надежда: а может все совсем не так плохо? Может все, что происходит, даже к лучшему? Остаться богатой независимой вдовой – это вовсе не так дурно. В самом приподнятом настроении Марика явилась на встречу. Из-за стола поднялся пожилой сухопарый мужчина, облаченный в черный костюм и снежно-белую сорочку.

– Здравствуйте, фрау Шнайдер! Выражаю вам искренние соболезнования в связи с теми трагическими событиями, которые происходят в вашей жизни, – Марика опустила взгляд и промокнула несуществующие слезы крохотным белоснежным батистовым платочком.

– Меня зовут герр Миллер и я являюсь официальным представителем воли вашего мужа. Кофе? Чай?

– Воды, если можно, – еле слышно прошептала она.

³ Парео – предмет женской одежды, прямоугольный отрез ткани, подвязываемый на бедрах в виде юбки, под мышками в виде платья или иным образом. Родина парео – Французская Полинезия, Таити. В настоящее время парео часто входят в женский пляжный костюм.

Почти сразу, неслышно, в кабинете материализовалась секретарша. Разлив «Перье» по бокалам и поставив на стол тяжелую хрустальную пепельницу, она так же незаметно испарилась.

– Ну, что ж, я готов огласить вам последнюю волю покойного. Впрочем, много времени я у вас не отниму, так как завещание очень короткое и простое.

Марика затаила дыхание, стараясь не выдать ни жестом, ни мимикой своего нетерпения.

– Итак, все свое состояние, включая движимое и недвижимое имущество, мой клиент пожелал оставить своей дочери, Колобовой Полине Тимофеевне, ныне проживающей в России. Дело это не быстрое и потребует некоторого времени, но мы сделаем все возможное, чтобы фрау Колобофф-младшая, как можно быстрее вступила в права наследования.

Марике показалось, что она внезапно оглохла. Голос адвоката доносился до нее, как через вату, в глазах потемнело, а кровь отхлынула от лица. Она медленно, с усилием, перевела на него взгляд:

– Этого не может быть! Он не составлял завещания! Какая еще дочь?! – она не заметила, как с едва слышного хриплого шепота вдруг перешла на крик.

– По просьбе моего клиента я провел некоторую работу и собрал данные о ней, – ровным голосом, не обращая внимание на перемену настроения Марики, продолжал Миллер. – Герр Колобофф в этом месяце должен был лично поехать в Москву для встречи, но трагические обстоятельства помешали ему осуществить задуманное.

– А как же я?! Ведь я его жена!

Миллер едва заметно усмехнулся и покачал овальной, как яйцо, лысой головой:

– Дорогая фрау Шнайдер, вы сами виноваты в том, что завещание составлено не в вашу пользу. Должен вам сказать, что в первоначальном варианте все деньги были разделены поровну между вами и его дочерью. Однако буквально перед смертью мой клиент внезапно изменил свою волю. Вы не знаете, почему? – вкрадчиво спросил собеседник.

– Я этого так не оставлю! Это несправедливо! Я столько лет терпела рядом с собой этого старика, а теперь осталась ни с чем? Да он же совсем с ума сошел! У него на почве детей совсем мозги поехали! Я буду опротестовывать этот завещание! Мы не были разведены!

Миллер равнодушно пожал плечами:

– Это ваше право, но послушайте совета опытного юриста: это будет совершенно напрасная трата времени и средств. У вас нет ни малейшего шанса выиграть это дело. На момент подписания завещания мой клиент был совершенно вменяем и психически здоров, что зафиксировано документально. Кстати, герр Колобофф все-таки оставил вам некоторую сумму денег и небольшую квартирку в пригороде Вены. На мой взгляд, это благородный поступок с его стороны, принимая во внимание некоторые обстоятельства, надеюсь, вы меня понимаете, – он многозначительно кашлянул.

– Кроме того герр Колобов собрал небольшое досье, – адвокат похлопал ладонью по папке, лежащей тут же на столе, – И выяснил, что ваши измены носили характер регулярный. Поэтому, не советую вам ввязываться в судебные процессы, все равно вы проиграете.

– Что же мне делать? – едва слышно прошептала Марика.

– Жить дальше. Послушайте, вы молоды, хороши собой, кроме того, тех средств, которые оставил вам ваш супруг вполне должно хватить на то время, пока вы не найдете себе какую-нибудь работу. Ну а сейчас, не смею вас больше задерживать. – он поднялся из-за стола, всем своим видом и поведением указывая на то, что аудиенция закончена.

Ноги сделались такими тяжелыми, что нужно было совершить невероятное усилие, чтобы сделать первые несколько шагов. Марика не помнила, как она вышла из конторы, как доехала до окраины города и очутилась в какой-то неизвестной ей забегаловке. Заказав тройную порцию виски с содовой, она пристроилась у барной стойки. Виски пульсировали так сильно, что

казалось, горячая кровь вот-вот хлынет наружу фонтаном. Выпив залпом янтарную жидкость, поданную в тяжелом прозрачном бокале, она тут же заказала еще.

– Девушка, вы бы поосторожнее! – послышался откуда-то издалека голос.

Марика с усилием сконцентрировала свой взгляд на молоденькой смазливой мордашке бармена.

– Я бы на вашем месте не стал бы частить. Это забористая штучка!

– Мальчик, ты никогда не был на моем месте, – заплетающимся языком проговорила она.

Ну и как теперь жить?! На что?! Где прикажете искать эту самую работу? Профессии у нее нет, университет брошен... А ведь родители в свое время предупреждали, что замужество замужеством, но образование получить все-таки необходимо. А что теперь? Идти, как мать в няньки или продавщицей в магазин? От этих мыслей Марику замутило. Проклятый виски подкатил к горлу противной горечью.

В сумочке ожил мобильный. От неожиданности Марика вздрогнула.

– Эй, Маришка! Как твои дела? – услышала она в трубке голос Анке.

– Ну ты и сука! – Марика была рада, что хоть на кого-то может выплеснуть свою обиду и ненависть. – Знаешь ведь, что это именно твой папаша сдал меня со всеми потрохами! И не говори мне, что ты ничего не знала, все равно не поверю!

Марика нажала «отбой» и тут же поймала на себе недоуменный косой взгляд молодой парочки, устроившейся по соседству с ней за стойкой. На негнущихся ногах она поднялась и вышла на улицу. Перед ней по булыжной мостовой проносились автомобили, грохотали трамваи, и жизнь, такая повседневная, такая размеренная, текла мимо нее. Отныне ее место в этой жизни заняла какая-то незнакомая, чужая девка, которая оказалась лучше нее только тем, что родилась в нужное время от нужного человека. Ее, самую красивую, самую утонченную, просто выбросили на свалку, как надоевшую игрушку! Разве это справедливо?! Квартира в пригороде и несколько тысяч евро! Жалкая подачка, насмешка!.. Марика почувствовала, как жгучие, словно кислота, слезы бессильной злобы заливают лицо. Рыдание стиснуло горло и ей понадобилось несколько минут, чтобы снова начать нормально дышать.

В кармане вновь завибрировал телефон.

– Ты трубку-то не швыряй! А то ведь я и обидеться могу.

– Что тебе надо? – спросила Марика, стараясь изо всех сил сдержать рвущуюся наружу истерику.

– Послушай, я на самом деле ни хрена не знала, серьезно. Ну а даже если бы и знала, что бы я смогла сделать? Ты же знаешь моего папахена. Для него семья превыше всего. Между прочим, он меня тоже в последнее время от кормушки отлучил. Козел старый! Не нравится ему, видишь ли, мой образ жизни. – Анке отчетливо хмыкнула в трубку. – Ладно, рассказывай давай, что у тебя случилось.

И тут Марика, выложила ей как на духу все, что произошло. Она вдруг поняла, что ни с кем, кроме Анке, не может поделиться своим горем. Та слушала внимательно, не перебивая, только изредка понимающе поддакивала. Марика в буквальном смысле слова чувствовала, как ее обида и ненависть невидимыми волнами перетекают в черную пластмассовую трубку телефона. Дышать стало легче, в голове начало проясняться.

– Ну и что ты будешь делать? – спросила наконец Анке, когда поток бурного негодования понемногу иссяк.

– Убью ее! – в сердцах проговорила Марика.

– А вот это правильно, – спокойно, но твердо произнесла трубка.

– Что – правильно? – не поняла Марика.

– Как что? Убить ее надо, сучку эту. Это будет справедливо. Кроме того, подумай сама, ведь если дочь Колобова неожиданно умирает – ну, там, автокатастрофа, к примеру – то все

деньги автоматически перейдут тебе. Ты его законная супруга, поскольку развод он оформить не успел. И ведь у него больше нет родственников?

– Ты серьезно? – растерялась Марика. От этой мысли, как будто только что дошедшей до нее во всем своем непосредственном значении, она совершенно протрезвела.

– Вполне. Лично я именно так и поступила бы. Когда собираешься вылетать?

– Куда?

– Может хватит тупить? В Москву, конечно же! Насколько я понимаю, эта его дочурка именно там живет? Ты, если что, обращайся. У меня везде связи. Помогу, чем смогу, по старой дружбе. Ну, не бесплатно, конечно.

– В смысле? – не поняла Марика.

– В смысле, ты же не сама эту авткатастрофу организовывать будешь? Или сама? – противно захихикала Анке. – Ну а если дело выгорит, ты же поделишься пиастрами с любимой подружкой?

Марика немного помолчала, а потом с усилием пробормотала:

– Извини, я перезвоню.

После разговора в голове неожиданно родилось единственно правильное и логичное решение. Пусть пока еще не до конца обдуманное, но верное, как то, что утром на небе светит солнце, а ночью – луна. Между ней и деньгами стоит один-единственный человек. И если этого человека не станет, то все будет как прежде, а может даже лучше. И это будет только справедливо, права Анке. У нее все получится, потому что на карту поставлена вся ее жизнь. От этих размышлений слезы высохли сами собой, руки перестали дрожать и, расплатившись по счету, Марика остановила первое попавшееся такси.

III

– Денис, Марк Александрович просил тебя через час зайти. Сказал, что есть одно срочное дело – какие-то наследственные дела, а еще он просил захватить твои наработки по «Балт-строю», – хорошенькая Анечка ослепительно улыбнулась. – Хочешь, могу кофе тебе заварить.

– Нет, Анютка-незабудка, не хочу. Может попозже, – рассеянно отозвался он.

– Ну, как хочешь, – пожала она плечами и, кокетливо вильнув аппетитной попойкой, скрылась за дверью приемной.

Денис Кравцов постарался углубиться в документы, лежащие перед ним, но мысли упорно сворачивали совсем не туда, куда нужно. Может зря он отказался от кофе? Хотя нет, не зря, – левую лопатку сегодня ломило и временами обжигало острой болью.

* * *

...Некоторое время назад дочка его шефа, четырехлетняя Олечка, неожиданно оказалась в больнице. Родители девочки отдыхали где-то на Мальдивах, когда у малышки внезапно заболел живот. Бабушка перепугалась, вызвала «Скорую» и ее тут же отвезли в одну из городских больниц, где в срочном порядке провели операцию по удалению аппендицита. Отец девочки пришел в ужас, когда через день пришел навестить дочку. В тесной душной палате, кроме Оленьки, лежало еще пятеро детей разного возраста. По коридорам гулял жестокий сквозняк и разносил запах кислой капусты и прогорклого кефира; в линолеуме, которым был покрыт пол, зияли черные проплешины. Колченогие железные кровати были покрыты застиранными сиротскими простынями с несмываемыми серыми штампами по углам: а ну как кому-нибудь придет в голову забрать с собой казенное имущество?! Схватившись за голову, Марк Александрович тут же выразил желание перевести ребенка в другую клинику, но лечащий врач запретил какие-либо перемещения, так как операция прошла с осложнениями. Результатом бурной деятельности обеспокоенного родителя стала отдельная палата для Оленьки. Несколько раз Денис Кравцов по просьбе своего начальника отвозил в больницу необходимые лекарства и фрукты. Там-то он и познакомился с милой и приветливой медсестрой по имени Полина. Оленька сильно привязалась к ней, и Марк Александрович обратился с просьбой к главврачу (просьба, как всегда, была завернута в приятно шуршащие бумажки с изображением американского президента, которые эскулап суетливо засунул в глубокий карман белого халата), чтобы Полина Колобова днем и ночью дежурила подле Оленьки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.